

Наша необъятная Чукотка и атомная промышленность

(впечатления недавней поездки)

Фёдор Александрович РОМАНЕНКО, к. г. н., вед. н. с. кафедры геоморфологии и палеогеографии

Рис.1. Плавающая атомная теплоэлектрическая станция (ПАТЭС) «Академик Ломоносов» у берега Чаунской губы Восточно-Сибирского моря в городе Певек.

Фото Ф.А. Романенко, 2020

Атомная энергетика для Чукотского автономного округа — дело привычное. В 1970–1976 гг. в городе Билибино построили атомную электростанцию, главной задачей которой было обеспечение энергией золотопромышленности. Совсем недавно выведен из эксплуатации первый из её четырех энергоблоков, еще два должны остановить по плану в 2020–2021 гг., последнему ресурс продлен до 2025 г. В связи с этим обострился вопрос снабжения энергией удаленных районов Западной Чукотки (Чаун-Чукотки). В 2007 г. в Северодвинске началась постройка плавающей атомной теплоэлектростанции (ПАТЭС) «Академик Ломоносов». В 2009 г. ее передали на Балтийский завод в Санкт-Петербурге. Весной 2018 г. ПАТЭС привели в Мурманск, где в течение года загрузили ядерным топливом, покрасили и произвели физический пуск обоих реакторов. В августе – сентябре 2019 г. «Академик Ломоносов» прибыл по Северному морскому пути в порт Певек. В изысканиях на площадке под установку ПАТЭС участвовали, кстати, сотрудники Лаборатории геоэкологии Севера нашего факультета.

Сейчас станция украшает своими четкими контурами и яркими цветами берег Чаунской губы. В мае 2020 г. она вступила в эксплуатацию и дала тепло в один из микрорайонов Певека, где теперь не выключают отопление и горячую воду даже временно. В ближайшие два года к ней подключат весь жилой фонд города.

Рис.2. Отвалы штолен и руины строений бывшего лагерного поселка «62 км». На заднем плане — гранитные кекуры — характерная черта рельефа Западной Чукотки.

Фото Ф.А. Романенко, 2020

Но предмет данной статьи — не современные достижения отечественной атомной промышленности, а практически забытые деяния ее безвестных предшественников. Речь идет о людях, которые в 1946–1957 гг. нашли, разведали и вели промышленную добычу урановой руды. Совсем рядом с Певеком, в тех местах, где сейчас возвышается ПАТЭС, сохранились многочисленные следы горных работ гигантского масштаба. О них знают не только все местные жители, но и геологи, которые работали там до начала 1990-х, и историки атомной отрасли. Автор обследовал их два раза: в августе 2003 г. и в июле 2020 г. Материалы первой экспедиции в бывший пос. Северный вошли в книгу «”Враги народа” за полярным кругом», опубликованную издательством “Paulsen” в 2010 г.

Как известно, 28 сентября 1942 г., в разгар боев под Сталинградом, Государственный комитет обороны (ГКО) СССР издал распоряжение № 2352сс «Об организации работ по урану». В 1943/44 гг. развернулась непосредственная разработка атомного оружия, усилившаяся в августе 1945 г. после взрывов американских бомб в Хиросиме и Нагасаки. Специальный комитет при ГКО под председательством Л.П. Берии,

четкая подпись которого часто встречается в архивных документах, в условиях строжайшей секретности задействовал многие тысячи людей, занимавшихся самыми разными аспектами проблемы. Одну из важных ролей играли геологи. Именно поиски радиоактивного сырья стали катализатором для удивительного по масштабу мероприятия — сплошного топографического и геологического картографирования Севера СССР. В 1944–1954 г. в Главном управлении Северного морского пути (ГУСМП) действовал трест «Арктикразведка», который закрыл все «белые пятна» в Арктике. Историю Государственной геологической съемки масштаба 1: 1 000 000 еще предстоит написать, настолько велик ее вклад не только в создание материально-технической базы СССР, но и в мировую фундаментальную науку. На протяжении двух десятков лет по всей стране работали тысячи геологических партий, десятки тысяч геологов, каюров, погонщиков оленей, водителей вездеходов, летчиков, картографов и рабочих ежегодно проводили по 4–7 месяцев в совершенно диких районах. Одной из задач была радиометрическая съемка: поиск урановых месторождений приобрел важнейшее значение – сырья остро не хватало. В первый реактор, по воспоминаниям легендарного министра среднего машиностроения Е.П. Славского, в 1946 г. загрузили едва ли не весь имевшийся в стране уран. Целый ряд правительственных решений для усиления разведки дал результат.

В 1946 г. в образцах геологической партии П.Д. Топычканова, работавшей по поискам олова в Северном гранитном массиве в 60 км к северо-востоку от Певека, были обнаружены радиоактивные минералы. На следующий год партия И.Е. Рождественского подтвердила повышенную радиоактивность массива, и уже 1 августа 1947 г. начал работу первый разведучасток. Вскоре его преобразовали в разведочный район, а в июне 1948 г. создали Промкомбинат № 3 (п/я 14), подчинявшийся «Дальстрою» НКВД СССР (организованное в 1931 г. Главное Управление строительства Дальнего Севера). В состав п/я 14 входило три специализированных лагеря по добыче урановой руды (Бутугычаг на Колыме, Сугун в Момском улусе Якутии и Чаунский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) в Северном массиве с управлением в Певеке). Начальником отвечавшего за поиски урана Первого управления Дальстроя назначили генерал-майора В.П. Павлова, гидрогеолога по образованию, а среди сотрудников геологического отдела оказались крупнейшие советские геологи, арестованные в 1949 г. по «красноярскому делу».

Среди них были директор Института геологических наук АН СССР (сейчас — ГИН РАН) академик И.Ф. Григорьев, главный геолог Первого главного геологоразведочного управления Мингео СССР, также созданного для работ по урану. И знаменитый ленинградский геоморфолог, 79-летний профессор Я.С. Эдельштейн, только что

награжденный орденом Ленина. Арестовали также лучших в стране специалистов по поискам и разведке полезных ископаемых профессоров В.К. Котульского (одного из первых разведчиков Хибинских и Мончегорских месторождений), В.М. Крейтера, А.А. Баландина и многих других. Котульский, Григорьев, Эдельштейн и еще несколько человек погибли в лагерях и тюрьмах, другие попали в дальстроевские геологические «шарашки». Арестованные ученые составили подробный отчет о строении месторождений Северного массива.

Чаунский ИТЛ организовали буквально «моментально», за несколько месяцев. В его структуру вошли несколько десятков быстро выросших поселков с населением от 50 до 3 000 чел. В совершенно пустынных горах Северного гранитного массива высотой до 1 132 м (гора Королева), расчлененных глубокими долинами рек Апапельхин и Кекурная, появилась разветвленная инфраструктура: горные выработки, дороги, лаборатории, мастерские, электростанции, обогатительная фабрика в п. Восточном, а также жилые и вспомогательные помещения (бараки, бани) и т.д. Все дома строились из местного камня (темные сланцы и светлые граниты) с небольшим количеством кирпича, часто практически без цемента. Сохранились сотни строений в самом разном состоянии: от фундаментов до практически целых, только без крыши. Внутренние они, как правило, завалены фрагментами стен и крыш, кое-где сохранились полусгнившие дощатые полы. В нескольких бараках капитальные брусовые столбы для крепления двух- или трехъярусных нар, как лес, еще непоколебимо стоят среди полурухнувших стен.

Рис.3. Жилая зона поселка Восточный на плато высотой 850-900 м. По периметру видно ограждение из колючей проволоки, а внутри и снаружи — зеленовато-бурые пятна рудеральной растительности на помойках. На переднем плане — два караульных помещения на входе, темное пятно — угольник, пять строений на дальнем плане — жилые бараки

Фото Ф.А. Романенко, 2020

Самые крупные поселки — Восточный, Северный и Западный, более мелкие — 62 км, и почти не сохранившие лагерную структуру 60, 65 км. Из Певека в центр массива построили автомобильную дорогу, вдоль которой, в ИТЛ на 24 и 42 км, жили ее строители. Объем перевозок по дорогам поражает и сейчас: завозилось все необходимое для горных работ — железо, крепь, взрывчатка, цемент, кирпич и т.д., для жизни — уголь для отопления, продовольствие, и все остальное. Для нескольких тысяч (по данным «Мемориала» — более одиннадцати тысяч) заключенных необходимы были дерево для постройки нар, сотни печей разнообразных конструкций, тысячи необходимых предметов для производства и быта (крючки для одежды, посуда, умывальники, железные кровати для вольнонаемных и т.д.). Преобладали здесь заключенные по уголовным статьям, осужденные по 58-й были в меньшинстве. Выжившие говорили, что кормили их хорошо. Вблизи жилых помещений — россыпи консервных банок, по большей части одинакового объема, близкого к 700–900 г. Говорят, это банки из-под американской (еще ленд-лизской) тушенки, поставлявшейся в СССР во время войны. Повсюду скопления железа — бочки, печки, банки, лом, стружка, мотки колючей проволоки, металлоконструкции.

Самый крупный ИТЛ — Восточный, который располагается на плато на высоте 850–900 м. Это абсолютно безжизненные (только накипные лишайники) участки горной пустыни, в естественном состоянии покрытые гранитными глыбами. По сравнению с хорошо известными многим плато Хибинских гор здесь гораздо пустынее, даже на более высоком плато Путорана жизни заметно больше. Зима — до минус 40, ветры, частые пурги. Лето — ветры, пусть не столь сильные, но очень неприятные, туманы и низкая облачность, и при этом — практическая безводность. Летом воду возили на машинах, остальные девять месяцев — топили снег. Неотъемлемая часть лагерных поселков — ограждение из колючей проволоки. Жилая зона ограждена тремя рядами «колючки», на углах которой — фундаментальные опоры для наблюдательных вышек. На них несли караульную службу бойцы военизированной охраны МВД, в условиях, мало чем отличавшихся от условий работы заключенных, которым некуда было бежать. Производственные участки вокруг шахт, мастерских, электростанций ограждены одним

рядом проволоки. За пределами ограждения – строения администрации ИТЛ (на Восточном — даже двухэтажный дом), лаборатории, жилые дома для вольнонаемных сотрудников и казармы для охраны.

Вся лагерная агломерация пронизана, как кровеносными сосудами, линиями электропередач длиной многие десятки километров. Из монументальных, сложенных из гранитных плит постаментов высотой до 0,6–0,7 м до 2 м в поперечнике торчат обломанные деревянные столбы высотой до 2 м. Поселки в настоящее время — очаги более богатой растительности на совершенно безлюдных плато. Рудеральные мхи и лишайники прекрасно разрослись на участках, куда выбрасывали бытовые отходы, и сейчас эти зеленые «острова», огражденные колючей проволокой, четко выделяются на сером фоне северной пустыни. Сохранились как вертикальные горные выработки (шахты), так и горизонтальные (штольни), числом до 40–50. По-прежнему темнеют устья штолен, но только совсем отчаянные исследователи решаются туда залезть. Шахты заняты льдом. Из штолен выходят пути для вагонеток, иногда разветвляясь, они ведут к отвалам, рельсы сняты. Светлые граниты, богатые слюдой, ярко сверкают на солнце — нет ни малейших признаков зарастания. В горах Чукотки оно идет крайне медленно.

Рис.4. Обогащительная фабрика в Восточном, окруженная подсобными мастерскими. На заднем плане — горы северного окончания Шелагского хребта — самая северная часть материковой Чукотки. Фото Ф.А. Романенко, 2020

Самое крупное строение, кроме уже упоминавшегося двухэтажного дома, — обогащительная фабрика на Восточном. Ступенями она спускается в верховья ручья.

Рядом находятся руины механических и ремонтных мастерских. Работала ли фабрика, не совсем ясно. Петербургские исследователи пишут, что ни дня не работала из-за отсутствия воды. Местные геологи говорят, что работала. Но тогда почему обогащение руды проводилось в 40 км отсюда, в пос. Первом (сейчас — Западный) на берегу Чаунской губы? Там до сих пор сохранилось здание фабрики и отвалы, которые, по данным комитета по охране окружающей среды Чукотки, заметно радиоактивны: до 1 000 мБэр/час и 1 200 мкр/час.

Рис.5. Гравийно-дресвяные отвалы обогатительной фабрики в пос. Западном (Первом). Правее отвалов — здание фабрики, на заднем плане — массив горы Певек (616 м)

Фото Ф.А. Романенко, 2020

Добычу урана закрыли в 1953 г., 67 лет назад, мгновенно, как и организовали. Практически все было брошено и, конечно, многое было увезено, разрушилось, сгнило, частично использовано военными (в 1970–2000 гг. рядом располагалась станция тропосферной связи системы «Север» под названием «Гранат») и геологами, которые периодически продолжали разведки. 5 июня 1991 г. селевой поток (скорее всего, водоснежной природы) разрушил полевой лагерь Северной партии Чаунской геологоразведочной экспедиции, погибли восемь человек. Им поставили памятник рядом с поселком 65 км. После катастрофы геологи сюда не возвращались.

Остатки былого в Северном массиве настолько значительны, что и сейчас посетитель встает в тупик перед следами этого гигантского труда тысяч людей, вольных и невольных. Как же был нужен уран, что страна пошла на столь огромные материальные и людские затраты для организации горного предприятия в совершенной пустыне. Оно было одним из крупнейших в Арктике 1950-х гг., значительно превышая по размерам функционировавшие рядом многие десятилетия оловодобывающие предприятия в Валькумее, Красноармейском, золотые рудники Комсомольского, Южного, Майского.

Рис.6. Молодые длиннохвостые суслики (евражки) — немногие обитатели бывшего поселка Западного, живут среди фрагментов строений. Фото Ф.А. Романенко, 2020

В седловине рядом с Восточным расположено кладбище. Автор надеялся прочесть хотя бы одно имя на сохранившихся деревянных дощечках. Увы, чудовищные ветра стерли все буквы, а табличка на единственной металлической пирамиде аккуратно отвинчена. Хоронили неглубоко, в камнях, и кости погибших видны из-под сдвинутых досок гробов. Кто эти люди, установить, видимо, не удастся никогда.

И это едва ли не самое печальное впечатление. Тяжелейший труд поколений геологов по поискам сырья и тысяч наших безвестных соотечественников в 1940–1950-х гг. на урановых рудниках позволил сейчас, уже в XXI веке, построить на дальней Чукотке

два современных объекта атомной промышленности. Помнить предшественников необходимо...

При подготовке текста использованы источники:

Иоффе Г.А., Нестеренко А.В. Волчий камень: Урановые острова архипелага ГУЛАГ. 2-е изд. СПб.: ААНИИ, 2015. 202 с.

Ларьков С.А., Романенко Ф.А. «Враги народа» за полярным кругом. М.: "Paulsen", 2010. 430 стр.